

БУДУЩЕЕ В СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ

А. ПОЛОНСКИЙ
(АПН)

ТРИ дня провел я на Бакинском вагоноремонтном заводе — предприятии коммунистического труда. Три дня. Много это или мало? И да, и нет. Смотря с чьей точки зрения. Например, Михаил Кулик — бригадир котельщиков вагонного участка — скажет, конечно, что это много. За три дня, подсчитывает он, можно отремонтировать десятки нефтеналивных цистерн, уложить тысячи кирпичей на стройке жилого дома, немало нового узнать в вечернем техникуме, прочесть интересную книгу... Да мало ли что можно успеть за три дня!

Мне же такой срок показался небольшим. Разве успеешь обойти завод, побывать в цехах и на участках, познакомиться с людьми? Каждый труженик здесь — живая история предприятия, его сегодняшний и завтрашний день. Здесь, как в капле воды, видно то, что мы называем коммунистическим трудом, видно недалекое будущее не одного, не двух, а всех предприятий Советской страны.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Завод, как известно, начинается с проходной. На Бакинском вагоноремонтном она, как и всюду: проверка пропусков, длинный, разделенный перилами коридор. Все детали на месте. Но нет одной. Вначале не поймешь, какой именно? И только присмотревшись, заметишь: нет табельной доски.

— Как вы обходитесь без табельной доски? — спросил я у председателя заводского комитета профсоюза Махмуда Султанова.

— Очень просто, — ответил он. — Вы ездили в троллейбусе по нашему городу, и вас не удивило, что в них нет кондукторов? Теперь это стало обычным. А вот нет табельной доски — и вы удивляетесь. Доверие к людям и высокая сознательность — в этом весь секрет. У нас на заводе почти не было нарушений трудовой дисциплины, опозданий или прогулов. После того как убрали доску, их стало еще меньше...

КУРДЫ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Х. ЧАТОВЕ

ПОДЪЕЗЖАЯ к Апарану, мы увидели большое, утопающее в зелени село. Вдоль его улиц протянулись кварталы жилых домов, выделяются здания больницы, кинотеатра, гостиницы, универсама. Апаранский район — один из крупнейших животноводческих районов Армении. Сегодня он известен не только своими альпийскими лугами, прекрасным воздухом и студеной родниковой водой. День ото дня множат трудовую славу района его колхозники и учителя, врачи и инженеры, зоотехники и агрономы. Но больше всего Апаран славится

своими братскими связями армянского и курдского народов, которые с давних пор живут вместе в дружбе и согласии. Поневоле вспоминается отсталый в прошлом Апаран, чуть ли не самый глухой уголок Армении.

Но прошли годы... Неузнаваемой стала Советская Армения, изменились жизнь и быт всех населяющих ее народов. Изменилась жизнь и в Апаране.

Мы посетили курдские села Мирак, Кондахсаз, Курибогаз, Алагез, Джамушли, Чобанмаз, Курдский Памб. И всюду — большие, ровные зеленые поля, сочные луга, множество столбов телефонной и радиосвязи, мачты

высоковольтной линии электропередач, уходящая вдаль шоссейная дорога. И это все в горной местности, и все настолько привычно для глаза, что никто и не обращает уже ни малейшего внимания на эти приметы новой жизни.

Особенно поразительны изменения, происшедшие в селе Алагез. А ведь не так далеко время, когда оно состояло из двух десятков темных и сырых полуземлянок с плоской земляной крышей. Не было питьевой воды: приходилось брать воду из грязных колодцев. Крестьяне жгли по вечерам керосиновые коптилки. Единственная мельница — и та находилась почти в 30 километрах от села, зерно возили туда на волах, по нескольку дней не бывая дома. Свиристствовали болезни, жители не имели представления о медицинской помощи.

Сейчас Алагез — красивое и благоустроенное село. Здесь есть

Признаки доверия и сознательности здесь встречаются на каждом шагу. В цехах нет специальных людей, которые оформляют наряды. Это делает сам бригадир. Зарплату получают без кассира. Заводской магазин работает без продавца.

Завод — это царство железа, огня и дыма — утопает в цветах и зелени. Чистота всюду идеальная. Цветы даже на станках. А посреди заводского двора в прозрачной воде бассейна плавают золотые рыбки. Подойдет рабочий, протянет руку к воде — и тотчас золотая стайка бросится к краю бассейна: ждут корма.

В заводском комбинате бытового обслуживания рабочего постригут, побреют, отгладят или починят его костюм.

В столовой бросается в глаза стоимость блюд. Она намного ниже, чем в остальных столовых города. И не за счет снижения качества или культуры обслуживания, нет! Завод богат. Можно долго перечислять приметы этого богатства. Тут и отличный спортивный зал, и библиотека, и туристические поездки рабочих за рубеж, и многое другое.

Но откуда это? Я не настолько наивен, чтобы думать, что все блага появились здесь, так сказать, по мановению волшебной палочки, которую хранит в своем сейфе директор завода. Завод живет по строгим финансовым законам, каждая копейка тут на учете, так что даже самые благие намерения дирекции и профсоюза останутся прекрасной мечтой, если они не построены на солидной финансовой и экономической основе. Я знал это и потому спросил Султанова:

— Откуда?

Он ответил не сразу, подумал.

— Помните у Ленина: производительность труда — это, в конечном счете, самое главное для победы нового строя... Коммунизма, разумеется, — добавил от себя Махмуд. — Высокая производительность дает заводу сверхплановые накопления. Отчис-

ления от них и позволяют нам больше выделять средств для улучшения условий труда и быта работников. Мы добились самой высокой в республике производительности труда. И, по логике, ближе всех подошли к коммунизму. — Он улыбнулся. — Так ведь?

— Выходит, так.

— Так-то оно так, да не просто так. Производительность труда сама не растет. Ее люди поднимают. В общем, об этом в двух словах не расскажешь. Оставайтесь еще на денек-другой на заводе — сами все поймете.

Я остался.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Итак, я снова пришел на завод с твердым намерением узнать, почему здесь стала возможной отмена табельщиков, нормировщиков, кассиров... и еще десяток «почему».

Начал я с бригады Михаила Кулика. Это рядовой коллектив, каких на заводе много. В бригаде шестеро: Иван Гришин, Икрам Садыхоз, Михаил Колунов, Николай Востряков, Вилаят Кулиев и сам бригадир — Михаил Кулик. Их работа — ремонт тележек четырехосных цистерн. С первого взгляда — ничего особенного. Гулкую дробь отбивают пневматические молотки, шипит автогенное пламя, то и дело мелькают щипцы с нагретыми добела заклепками. Но вот проходит время — и видишь: крышки для колесной буксы ставят не одинаковые — одни совсем новые, другие — по виду как будто уже были в работе.

Кулик объясняет, не отрываясь от дела:

— Раньше как было? Пришла в ремонт цистерна, сняли старые крышки и выбросили. Пошли они на

школа-интернат на 150 учеников, средняя школа, больница, сыроваренный завод, детский сад, почтовое отделение, магазин, библиотека, клубы и многое другое, что необходимо для удовлетворения растущих потребностей людей. Хорошая мебель, радиоприемник, холодильник, стиральная машина — обычные предметы обихода большинства курдских семей. В каждой семье — своя библиотека. Так выглядят не только дома интеллигентов, но и чабанов, рабочих совхоза, доярок.

Входим в дом Худо Мго. До революции он батрачил на кулаков, был чабаном. Худо — один из инициаторов организации курдских колхозов, долгие годы работал председателем колхоза. Его три сына получили высшее образование. Двое работают в средней школе родного села, а третий — Шакро — научный сотрудник Академии наук Армянской ССР.

Скоро станет врачом четвертый сын Худо — он учится в Ереванском медицинском институте. Одна из его невесток, Фриджа Джавари, уже несколько лет работает детским врачом.

Побывали мы в селе Чобанмаз. Все полевые работы здесь механизированы — небольшой колхоз купил у государства два трактора, комбайн, сеялки и много других машин. За последние несколько лет колхозники выстроили более 50 новых домов. Село электрифицировано, в каждой семье радиоприемник. Жители села выписывают 100 газет и журналов.

Активным строителем новой жизни стала и курдская женщина. Курдянка, работая в колхозе, совхозе, на фабрике и заводе, стремится получить образование.

В январе 1935 года, выступая на VIII съезде Советов Армении, жительница села Гялто, Таличско-

го района, Гога Джанго с гордостью сказала о том, что вместе со своими подругами выучилась читать и писать. Теперь же всех курдянок, имеющих высшее образование, не пересчитать.

Из 1,9 миллиона человек, проживающих в Советской Армении, около 59 тысяч составляют курды. Для них уже много лет в республике издается курдская газета «Риа тазе», организованы радиопередачи на курдском языке. Редакции газеты и радио укомплектованы хорошо подготовленными кадрами.

Среди курдов есть ученые и писатели.

При Союзе писателей Армении создана секция курдских писателей. За годы Советской власти на курдском языке издано более 300 названий книг.

Так в прошлом бесправный и отсталый народ благодаря Советской власти обрел счастье.

переплавку. Мы с ребятами поначалу тоже как-то не обращали на это внимания: как все, так и мы. Потом присмотрелись: они же, эти самые крышки, наполовину годные. Ну, там, пружина сломалась, болт потерялся — так их же заменить можно, зачем всю крышку в расход пускать? Она не дешево стоит, рубля два. Четыре бусы — четыре крышки. А сколько цистерн за месяц, за год через наши руки проходит... Теперь мы крышки не выбрасываем, а ремонтируем.

Оказывается, бригада так бережет и другие детали, а их сотни. Это приносит большую экономию.

Кулик показал мне интересный стенд. Он установлен на самом видном месте в цехе. На стенде укреплены различные детали: заклепки, болты, шайбы, пружины. И под каждой — цена. Казалось бы, болт — мелочь, копейки. Но их требуются тысячи, десятки тысяч. И когда люди наглядно представляют себе огромные суммы государственных денег, сбереженных ими, бережливость становится не индивидуальным качеством того или другого рабочего, а долгом всех.

Мне открылась еще одна сторона коммунистического труда. Каждый член бригады, вступив в соревнование, обязался овладеть несколькими специальностями, необходимыми в работе бригады. Сейчас Кулик — слесарь, крановщик, электросварщик. Садыхов — котельщик, слесарь, газорезчик. Кулиев — котельщик, слесарь и электрик.

— Подсчитайте, — подытожил Кулик, — сколько рабочих рук мы высвободили только в нашей бригаде. А по всему заводу? Тут и экономия и производительность — все вместе.

Что заставляет этих людей так работать — творчески, вдумчиво?

В небольшой конторе цеха хранится дневник бригады коммунистического труда Михаила Кулика. В дневнике есть заповеди, под которыми стоят подписи всех членов бригады:

«Не отказываться ни от какой работы — выгодная она или невыгодная, тяжелая или легкая.

Во всяком деле проявлять смекалку, думать, как сделать лучше. Жить по правилу: один за всех, все за одного.

Один допустил брак — беда всего коллектива.

Видишь, сосед отстаёт, — помоги. Сам не можешь сделать — не стыдись, обратись к товарищу.

Окончил работу — не теряй времени зря, тебя ждет школа, техникум, институт».

В том, что эти заповеди свято выполняются, я

убедился на заводе. И после рабочего дня здесь не теряют времени зря. Все в бригаде учатся: Садыхов заканчивает институт, Кулик поступил в техникум, Кулиев на третьем курсе института, Гришин и Востряков учатся в восьмом классе вечерней школы. Кажется, что жизнь этого небольшого коллектива так полна и насыщена, что не остается времени для каких-либо занятий, кроме работы и учебы. Но нет. В разговоре выясняется, что они и спортсмены, и частые посетители театра и кино.

Может быть, эта бригада — исключение? Я побывал в бригаде формовщиц литейного цеха, у токарей механического цеха и всюду видел сознательное стремление сделать больше, лучше для себя, для других, для всех. Я словно шагнул на два десятка лет вперед, и мне не хотелось делать обратного шага. Я решил остаться еще.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В центре заводского двора, у большой клумбы, где стоит доска почета, я увидел во много раз увеличенный лист из школьного дневника. В соответствующих графах стояли фамилии школьников, названия дисциплин и отметки. Несколько рабочих старательно выписывали что-то в свои блокноты.

Как выяснилось потом, это действительно дневник школы, над которой шефствуют рабочие — члены бригад коммунистического труда. И оценки «подшефных» засчитываются, когда подводят итоги соревнования. Так и говорят: у вас в бригаде в этой четверти столько-то двоек, троек...

Ходят рабочие в школу, дружат с ребятами и учителями. Результат таков: с тех пор как производственники взяли шефство над школой, успеваемость повысилась в два раза.

Под конец я снова встретился с председателем профсоюзного комитета Махмудом Султановым:

— Ну, — сказал он приветливо, — теперь не удивляетесь? То-то. Как говорится, бытие определяет сознание. Рабочие на собственном опыте убедились: коммунистический труд — это высота, с которой видишь очень далеко...

И ясно я представил себе тот день, когда вот такие ростки будущего поднимутся в полную силу по всей стране. Будущее уже шагает в сегодняшнем дне. Его поступь слышна в стуке пневматических молотков бригады Кулика, в звонких голосах ребят подшефной школы. Оно совсем близко.

ВНУЧКА ЛЕГЕНДАРНОГО МЕШАДИ

(Окончание. Начало см. на стр. 23).

листические страны. В Азербайджане на каждые 10 тысяч человек приходится почти 100 студентов вузов, а в США на то же число жителей — 79 студентов, во Франции — 37. К концу 1959 года в хозяйстве республики было занято 16 тысяч инженеров, свыше 8 тысяч врачей, около 5 тысяч специалистов сельского хозяйства, 38 тысяч педагогов, экономистов, юристов... Свободу и свет при Советской власти получила азербайджанка, сбросившая чадру и ставшая равноправной.

Вот это и было темой докторской диссертации Азизбековой, которую в июне 1961 года она успешно защитила. Примерно в это же время Пюстаханум была назначена директором Музея истории

Азербайджана. А недавно ей присвоено звание профессора. Надо обладать талантом и трудолюбием, чтобы достигнуть этого в 33 года.

Уходя из музея, я уносил с собой на память от Азизбековой ее первую книгу «Мешади Азизбеков». Не знаю, как получилось, но я пошел на Площадь 26 бакинских комиссаров. Здесь, как всегда, шумели лиственной чинары и тополя, били фонтаны, словно солдат на посту полыхал в центре площади вечный огонь. Между памятниками бродили иностранцы с раскрытыми фотоаппаратами. Но больше всего на площади было детей. Смуглые и светложкие, темноволосые и белоголовые — разноплеменные дружные дети Баку. Такие же разноплеменные, как и их деды — бакинские комиссары. И мне вдруг подумалось: внучка одного из них стала доктором наук, а эти, звонкоголосые и голенастые, будут жить при коммунизме и покорять космос.